

Вот вопрос.
Он сложнее,
чем мысль демиурга.
Не отвечу ни я,
и, возможно, не вы:
«То ль Москва –
дальний пригород
Санкт-Петербурга,
то ли Питер –
район отдаленный
Москвы?»

«Снег» – далеко не первая книга Сергея Захарова. У его сборников «Корабль», «Пригород», «В прошлом веке» есть свои читатели. Особым успехом пользуется цикл под названием «Хмелевка», который создавался совместно с другом Александром Никифоренко.

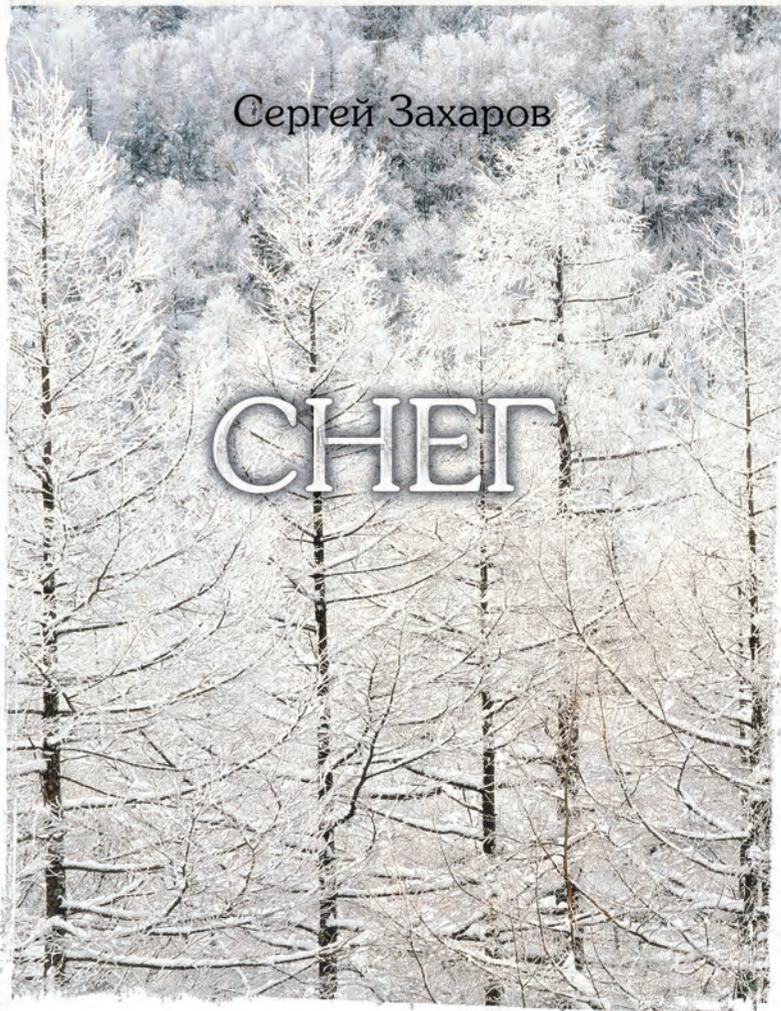
Стихи, объединенные в этом томике, написаны под влиянием событий и настроений последних лет. Надеемся, что они не оставят равнодушными любителей поэзии и найдут отклик у тех, кто не потерял способность думать и любить.

СНЕГ

Сергей Захаров

Сергей Захаров

СНЕГ

Сергей Захаров

СНЕГ

Сергей Захаров

СНЕГ

2013

Художник Алексей Портнов

Захаров С.

338 Снег. Стихотворения. – СПб.: «Петербург – XXI век», 2013. – 144 с., ил.

Сергей Захаров очень ответственный человек – руководит предприятием, которое занимается серьезными вопросами в сфере кораблестроения. Но суровый прагматизм работы не в силах помешать врожденному душевному качеству – умению поэтически воспринимать действительность. Писать стихи для него – непреодолимая душевная потребность. В его творчестве переплетаются юмор, лирика, философские раздумья, печаль и радость.

«Снег» – далеко не первая книга Сергея Захарова. У его сборников «Корабль», «Пригород», «В прошлом веке» есть свои читатели. Особым успехом пользуется цикл под названием «Хмелевка», который создавался совместно с другом Александром Никифоренко.

Стихи, объединенные в этом томике, написаны под влиянием событий и настроений последних лет. Надеемся, что они не оставят равнодушными любителей поэзии и найдут отклик у тех, кто не потерял способность думать и любить.

84Р7–5

ISBN 5–88485–221–5

© С.А. Захаров, 2013

© А.М. Портнов, оформление, 2013

Гидрографическое судно. Карское море.

Тракторные сани мощностью 7 ч.с.
Енисейский залив.

*... Когда дела и прочее нездоровски
и желтым листопадом крутит грусть,
со Старо-Невского сверну я на Суворовский
и до 7-й Советской медленно пройдусь...*

Примазался к битлам.

* * *

Мирскую гладь, вершины жизни
обозревая невзначай,
фиксирую анахронизмы
и в пять часов пью крепкий чай.
Все то же под свинцовым небом:
глухих часов незримый ход,
забег за зрелищем и хлебом
и одурманенный народ,
и город, что до половины
уже не наш.
Нас в нем не ждут.
Тоска, сумбур, снега и льдины,
и за окраиной старинной
простой кладбищенский уют.

* * *

Под маской безмятежно-снежной
не угадаешь женских лет.
Рукою тонкою и нежной
на сердце выжжен черный след.
И никуда уже не деться
весною мне и в листопад.
Татуированное сердце
все так же бьется невпопад,
изъяна не узрев, измены.
Ему не грезится покой –
оно обожжено до тлена
твоей безжалостной рукой.

* * *

Жоффрей Пейрак угрюм и седовлас,
заумен
и нога хромая.
Какая гадость – рыба заливная
у Анжелики вышла в этот раз.
Мальчишка-бард, незванный москвит
любовь поет.
Ей радостно и томно,
ей весело.
Его аккордов стоны
вздывают грудь,
и кровь быстрее бежит.
Вот так бывает – сердце застучит,
а взгляд – один, а фразы две – случайны.
Всё против.
И не спрячешь тайны.
Любовь в атаке –
логика молчит.
Помыться, что ли, в шапке и пальто? –
Поможет вряд ли.
Миг, как жизнь, проигран.
Кто нас толкает к этим глупым играм?
И дальше – что?
А дальше – всё не то,

что раньше было.
В прошлое, в архив
три года пролетевших предыдущих.
Пришла пора не пишущих – поющих.
Блажен, кто незатейлив и соплив.

Что ж. Пусть теперь внимает соловью
и кормит парня рыбой заливною.
Потрахайтесь же, дети!
Черт с тобою:
стакан наполню, выпью и налью.
Себе слуга, и друг, и господин.
Лишь Бог на небе,
а вокруг – пустыня.
И анжелик – что перышек в перине.
Навалом.
А Жоффрей – один.

* * *

... А утром, проснувшись, ты пить захотела
и, сдернув одежду со стула,
упругое юное легкое тело
в рубашку мою завернула.
И яблока сок, желтоватый и холодный
в чистейшую чайную чашку
плеснула небрежно и выпила жадно,
немного пролив на рубашку.
И тонкий ночной, с черной точкой, окурок
среди прочих иных отловила,
и в памяти ночь удалив, как купюру,
встрянув головой, закурила.

* * *

Что-то очень грустно я теперь пою –
увели из стойла девушку мою.
Вытянулся скорбно мой брыластый лик –
увели подругу, опустел денник.
Не спасли засовы, мама и отец.
Бьет подковой звонкой юный жеребец.
Где-то в поле чистом пролегла межа.
Там резвятся двое, радуясь и ржа.

ГОД ТИГРА

Как начиналось: бурно, нежно.
И кайф сейчас и впереди.
Пушистый ангел белоснежный
оттаял на твоей груди.
Ты думал, так и будет – игры:
но не на ту, мой друг, попал.
Тигренок превратился в Тигра
и дрессировщика задрал.

* * *

«Я всегда был на кончике луча»

Ю. Олеша

Исчезла. Да и черт с тобою.
Ты думала, что я завою.
Но я – на кончике луча,
а луч – на кончике меча.
Душа – одна, а нас-то двое.
Она со мной, хоть я в запое.

Ушла – осталась – без души.
Я – без тебя. Пока, пиши.

* * *

Кем мы были и кем мы стали,
что мы делали, для чего?
То, что было в самом начале,
ныне тлен, а грубее, говно.
Мы остались такими, как были,
изменились, но те ж пацаны.
Да, росли, да, творили, любили,
мы – солдаты холодной войны.
Изменились и мы, и эпоха.
Нынче время других пацанов.
Нам пора без укора, без вдоха
уходить,
по примеру отцов.

ПАМЯТНИК

День, когда я уйду,
будет пасмурен.
Ночью
с неба будет идти
то ли дождь, то ли снег.
Петропавловки шпиль
так же остро заточенный
на свинце облаков
процарапает след.
Петербург равнодушный,
друзья изумленные,
дань отдавшие с горя
пьянящей лозе,
ненадолго на сером узрят
небосклоне
накарябанный ангелом
вензель – СЗ.

ПАМЯТИ АНДРЕЯ ВОЗНЕСЕНСКОГО

Он ушел незаметно, вития и гений.
Не оставив дуэлей, врагов и долгов,
многочисленных баб и петли, как Есенин,
как обычные люди уходят в мир тени,
незаметно и просто
под облачный кров.
Только умер не он –
завершилась Поэзия.
Улетел в Третий мир,
где вершина всего.
И Кончита святая – Резанова грезия
над Андреем склонилась
где-то там,
чем мы грезили,
и дождалась его,
как кончина его.

* * *

Ходить по-прежнему. Трендеть.
Желать – не без того.
Питаться, спать, в трудах потеть,
уничтожать врагов,
мечтать и, состоявшись, быть,
страдать – что за беда,
хотеть –
но больше не любить.
Теперь уж никогда.

* * *

Город. Люди. Автотранспорт.
Снег. Кружение у метро.
Объявления. Транспаранты.
Грязь. Лоточки мастеров.
Песни бардов самопальных.
Пьянь. Пацанский пыл понтов.
И вальяжный вид brutальных,
жадущих повода ментов.
Одиноких, сиротливо
жадущих «этого козла»,
наших девочек красивых
в злой косметике глаза.

Здесь
стареющим индиго
я стою.
Один как перст.
Ром – в стекле.
В кармане – фи́га.
Дурь – в башке.
На шее – крест.

* * *

Смута мучает страну.
Волки воют на луну.
То морозы, то пурга
и снега, снега, снега ...
Под сосной – зубами щелк –
одинокий старый волк.
Буря мглою кроет,
он уже не воет,
битый, сильно сдавший,
но флажки прорвавший,
где теперь, не зная,
логово и стая.
Много бабок на кону,
смута мучает страну,
помечтать посмей-ка:
жизнь – патрон – копейка.

Помянем потери,
молча,
зубы щеря.

* * *

Усталость, источивши плоть,
взялась за душу.
В слабости немея,
тащусь в лабаз
за разной бакалеей
и бутылком, чтоб укрепиться хоть.
А хочется,
в пути помыслю я,
так мало:
водки с огурцом хрустящим,
девичьих губ, доверчиво манящих,
и прочего желанья бытия.
Приду назад
под захламленный кров.
Опять один.
На стол метну баранки,
под огуречик высосу полбанки
и зарифмую «вновь», «любовь» и «кровь».

* * *

Сижу в больнице,
как в клетке птица.
Плохая доля –
хочу на волю.
В леса, где трели,
где почки пухнут,
и крейсер в бухту
родную входит.
Сто лет в походе,
не юный, ржавый,
как я.
Усталый.

* * *

*Строителям нового Петербурга
посвящается*

Ночь темна и длина.
Лишь трехцветия
светофоров,
гробы сетевых
магазинов,
как знаков столетия,
чтобы мы не искали иных.
Что же делать нам, Господа рекрутам,
где Петра да и Ленина град,
где лежит снег по самое некуда
и машины в сугробах стоят.
Бесполезные доводы лекций,
туристический Невский проспект,
телебашни игла для инъекций
и газпромовской башни проект.
Безысходность – бездомным собачкам,
голубям городским.
Зрелищ блёв.
Можно было б, конечно, иначе,
но зараза проникла под кров.
Дом теперь – не святое, не крепость.

И растут, и ползут, как грибы,
человечьи надменные склепы
выше Ангела, выше иглы.
Поздно, поздно! Пришла пандемия.
Отворяй ворота. Будет лих.
И не лучше иных ты, Россия,
и не лучше ты, Питер, иных.
Ты теперь – шаверма и помойка.
Что осталось? – осесть нам на дне
иль, стаканы наполнив,
на стройке
под закуску
пропеть гимн чуме.

КРИЗИС СРЕДНЕГО ВОЗРАСТА

Холодный май весну венчает,
сын переходит в пятый класс.
Отец помалу прозревает,
т.к. открылся третий глаз
на лбу, а может – на макушке.
Навелся фокус на панно.
Готово все – щелчок хлопушки –
и начинается кино:
жена привычно обвиняет,
божится муж, который – хам,
свекровь во гневе, сын страдает.
Семейный быт трещит по швам.
Крути кино про ту ячейку
хоть век, а тот же все компот:
прозревший муж, жена-злодейка,
аптека, суд, дележ – развод.

* * *

Встает заря во мгле холодной,
бежит со случки волк позорный.
Красавица сомкнула вежды
после общения с невеждой.
Проснись, задумайся, очнись!
Ты трешься в университете,
а об тебя же трутся – эти.
Да мало ли, что мало мани
и в сумочке да и в кармане.
Ну вышла, вышла на панель.
А что ж тогда – залезть на ель
и сигануть оттуда вниз.
Уж лучше прямо на карниз
и с высоты многоэтажной,
для верности, шагнуть однажды.
Что делать девушке без крыши?
И вот с ментом – не вышло выше.

Российский страшенький сюжет –
есть красота, а денег нет.

* * *

И тот же дом, и те же стены
пропитаны моей мольбой.
Следы побега и измены,
ключи, забытые тобой,
и в спешке брошенные тряпки,
хранящие твой аромат.
Сбежала. Глупо, без оглядки
и не воротится назад.
Шкафов распахнутые дверцы...

Не кисни, старый идиот:
остановившееся сердце
подумает –
и вновь пойдет.

* * *

На стене припиленное фото,
старое, как мир наш до потопа.
«ФЭДом», «Сменой» или же «ЛОМО»
щелкнутое в годы молодые.
Ты на нем как ведьмочка из «Вия» –
страшно симпатичная.

Назло

времени

ржавеющая память
отметает вирусы и спамы.
Мой весенний незабвенный хит!
Все наяды, пери, одалиски
отлетели.
Ты – на жестком диске.
Он тебя, любимая, хранит.

* * *

Любил тебя за ЭТО,
дышал одной тобой,
но каждая планета
мечтает стать звездой.
Твой путь отнюдь не млечен,
звездой не стала ты,
не я тобою встречен,
не про меня мечты.
Не стала мне подружкой,
хоть, в общем, я – не князь.
Обычная лягушка,
под ряской схоронясь,
стрелу перекусила,
и в тине утопив
огрызки, порешила,
что ЭТО, видно, миф.
А зря. Ведь время – мчаться,
в пути бросаая кладь.
Желательно влюбляться
и надобно мечтать.

СОНЕТ

У ваших ног лежу, как спаниель,
похожи вы на Биче Сэниэль
и, может быть, на Руну Бегуэм.
Вот потому я глух, и слеп, и нем,
хоть с вами я едва знаком.
Зачем душа, лежащая ничком,
так привлекает,
а не Дэзи, Молли
или Ассоль.
Не зря ведь простота
всегда считалась хуже воровства:
Татьяна – Ольга или Анна – Долли.
Уж лучше я в ничтожество влюблюсь,
чем в простоту.
Стоит на этом Русь.

В сосуд красивый вторюсь, старый пудель,
А не в огонь, мерцающий в сосуде.

* * *

Писали очень многие,
бумагу беребя,
любовь глупа до коллик без надежды.
Я трахаю других,
но трахаю тебя,
тебя,
все той же юною и свежей.

БЕЛЫЙ БЫЧОК

Если есть у вас сомненья
в вашей нужности кому-то,
значит, надо обновленье
в вашей карме произвести.
Поменяй жену, работу,
место жительства, машину,
из друзей смени кого-то,
почитай «Благую весть».
Благотворны также ванны,
душ Шарко, бассейн и пляжи...
Перелет в Гоа иль Канны
можешь, кстати, приобрести.
Ну а если, ну а если
не поможет обновленье
и дурные мысли влезли,
то задумайся слегка –
поменяй жену, работу,
место жительства, машину,
и т.д.

* * *

Скрываясь от чужого глаза,
от грубых окриков толпы,
изящный, хрупкий, словно ваза
(или фаянец унитаза?).
Какой еще? Ну, как столбы
ростральные –
такой же мощный,
начитанный, как Вассерман,
сумбурный, как Сенная площадь,
кладу я свой мобильник тощий
в глубокий внутренний карман.
Иду тропинкой сквозь сугробы –
к мечте, без денег и ветрил.
Моя любовь – высокой пробы,
вспорхнуть – взлететь – вниз камнем – во бы!
Жди, я лечу – я полюбил!

* * *

На упругих стройных ножках,
продвигаясь, как кошка,
ты к моей проникла двери
и взяла меня, как пери.
Продолжая страстный пир,
взял тебя я, как сатир
нимфу, пери или кошку.
И совсем не понарошку.

АНТИБИТЛЗ

Мы были молоды, и Евы
дурили нас,
но, путь начав,
мы знали точно:
Beatles – forever¹!
И верили в can` t buy me love².
Надеялись, что время – ложно,
и кто-то нас возьмет под щит
и защитит в прозреньях сложных,
и непременно пощадит.
И, без сомнения,
беспорочны
подруги наши.
И одно
мы знали абсолютно точно:
Любовь!
Все прочее – говно.

Но годы шли.
И девы те же,
кого мы радостно е..и,

1 forever (англ.) – навсегда.
2 can` t buy me love (англ.) – программная заглавная строчка битлов.

любовь, и веру, и надежду
переводили на рубли.
Мы незаметно изменились.
Нас незаметно изменив,
любимые преобразились,
мир наших грез преобразив.
И нас помалу научили
науке брани за лавэ.
Усвоив, мы их love купили
За шмотки, тачки, СКВ...

Блажен, кто холодок за ворот
воспринимает до поры,
кто постепенно жизни холод
вплетает в правила игры.
Промышленность, животноводство,
любовный пыл ... Карман готовь.
Любовь, конечно, продается.
Не секс, а именно любовь.

Мой друг, forever тити-мити!
Сплелись в них и добро и зло.
Can` t бцу – да что вы говорите?
Легко! Да было бы бабло!

* * *

Я весною глуп и сед,
не хочу идти к врачу.
Я с девчонкой юных лет
познакомиться хочу.
В зрелом возрасте пик-ап,
как с кашкой бутерброд.
Скажет девушка: «Дурак!»,
отвернется и уйдет.
К новой девушке с любовью –
скок – подобно воробью –
зачирикаю – и вновь я
чашу горькую испью.
От обилия Лолит
у метро в глазах рябит.
Цукерброд не лезет в рот.
Что же делать, идиот?
Что ж вы гоните меня? –
Чту различия полов.
Без любви не жить мне дня.
Где ты, поздня любовь?
Что за аутодафе?
Но спешу, сменив белье,
и за столиком в кафе
встречу, встречу я ее!

* * *

Март. Весна. Запели птицы.
Ты расклеила ресницы
наконец-то поздним днем.
Ночь была темна, уныла,
но любовь давала силы,
не суля забыться сном.
Утром были птичьи трели,
но хотели мы, хотели,
и не слушали мы их.
Шепот, стоны, слезы, крики,
в зеркалах неверных блики,
тени только нас двоих.
Через столько лет разлуки
ты ко мне тянула руки,
так же нежен был твой взгляд,
так же я был полон силой,
как тогда впервые с милой
в марте, двадцать лет назад.

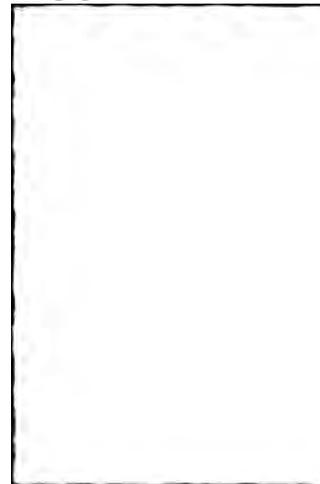
* * *

Стаял снег.

Над ноздреватой кучей
ветер изгиляется летучий.

Солнышко внедряется в сугроб,
оформляя снежным кучам гроб.

«Охота к перемене мест»

Особенности национальной финской рыбалки.

На Рижском заливе.

Париж. Ле Бурже. Наше – им!

*...А где-то жирафы,
а где-то питоны.
У них существуют другие законы.
Там нету ни Думы, ни бирж, ни ОМОНа,
и тюрем там нет, и ТиВи, и судов.
Конечно, встречаются прайды козлов,
но это конкретно забота для львов.*

Муром и Мурманск

Есть в названиях различие,
чуть заметно звучит:
если Муром – мурлыкает,
то Мурманск – рычит.

Москва

Гей, славяне, гей!
Раньше Коля жил здесь и Сергей,
да Иван, да Маша,
Таня и Наташа.
А теперь здесь туркестан:
Абдулла, Араик и Аслан,
Фатима и Зульфия.
Гей, славяне! – а не видно
Ни х...

Чехия

Что рассказать тебе о Праге –
чуть больше, чем о борове в овраге.

Болгария

Варна, Бургас, Слнчев бряг –
пляжи, бабы и коньяк.

Латвия

Смесь Сов. Союза и ЕС –
мне нравится такой замес!

Германия

Шмотки, пиво и сосиски,
ни одной приятной сиськи.

Финляндия

Питанье, чистота,
озера и аллеи.
Возьмите в плен нас,
финны,
поскорее.

Будапешт

Поясняю для невежд:
слева – Буда, справа – Пешт.
Возвращаешься оттуда:
слева – Пешт, а справа – Буда.

Калининград (Кенигсберг)

На мысу горит маяк,
ветер сдвинулся на ост.
Все мы делаем не так
под скоплением блеклых звезд.
Все не так. У Канта кон
проиграли.
Жизни нить,
как и нравственный закон,
мы не в силах изменить.

Архангельск,
Челябинск,
Братск,
Новороссийск,
Петропавловск,
Советск,
Балтийск,
Североморск,
Северодвинск
и др.

Почему в окончании всюду СК?
Потому что стакан, скобари и тоска.

**Украина,
Киев**

Чем больше я «думáю... думоваю»,
тем меньше Украину понимаю.
А чем я больше зрблю (иль зрблю?),
тем меньше Гоголя люблю.

Севастополь

Оборона безнадежна —
Лену лапает Сергей.
Я привез из зарубежья
Севастопольский трофей.

Юрмала

Все те же сосны, те же дюны,
как в те года, где были юны
и проявляли интерес
лишь к ножкам будущих невест.

Корою толстою и мхами
покрытый,
стал я мудр с годами.
Но так же, стоя на пляжу,
на ножки девичьи гляжу.

Играют волны, ветер свищет.
Чего там парус в море ищет,
и что найдет на дне морей,
куда его умчит Борей?
У Бьерке-зунда и Цусимы
на свой вопрос ответ нашли мы.
Куда ты? Не благословясь...
Не лезь, Россия, мордой в грязь.
Спи, раздобревшая держава.
Не на морях индийских слава
да в пыльном сапоге нога.
Оборонить бы берега.

Стало хорошо

Мурманская икебана.

В гармонии с миром.

*Я не знал, что любовь
может быть на закате,
и что нежность
стальную угрюмость сомнет,
и что мысли о пенсии
и о зарплате –
глупость жуткая.
Есть еще жизнь и полет.*

ПЕЧАЛЬНАЯ ПЕСНЯ

За столиком в кафе
в час ранний, до полудня
я кофе горький пью,
придя по Моховой
сюда, где мало кто
в безделии по будням
сидит и кофе пьет.
Ну, разве мы с тобой.
За зеркалом витрин
бежит, гремит Литейный.
Он пробками забит
на выезд и на въезд.
Отсюда два окна
зашторенных, кисейных
так хорошо видны,
и двери в твой подъезд.
У рыжих солнца луч
обжег не только гриву.
Он сердце им спалил,
особенно таким
доступным не всегда
и дьявольски красивым,

летающим во сне
и очень молодым.
Где бродишь ты теперь,
мой рыжий одуванчик,
с кем кофе по утрам
в кафе напротив пьешь?
Я только подсмотрю,
как это делал раньше,
когда не знал тебя,
как мимо ты пройдешь.
Весна кипит и жжет,
и рыжим будет лето.
Сгоревших – не разжечь
весеннюю порой.
Ни фото, ни письма.
И песенка допета.
Осталась память встреч,
подаренных тобой.

* * *

И юность прошла.
Настала текучка,
и мачо крутым
от Твери до Небраски
пора уходить
от разовой случки,
пора приходиться
к плановой вязке.

* * *

Олигархом вдруг стану когда-то:
поиграем в такую игру.
Улыбнись мне. Ведь скоро зарплата.
Разве я о любви своей вру?
Подарю тебе яхту и лайнер,
солнце Ниццы и лондонский смог.
И большим адронным коллайдером
проколю мой любимый пупок.
Улыбнись в серый полдень осенний.
Что же краше: сверканье пиастр
или взятый в метро на последние
мой букетик из розовых астр?

* * *

Средь шумной тусовки
мелькнули кроссовки
на длинных девичьих
джинсовых ногах.
А выше у Инги
виднелися стринги,
таинственно вниз
уходящие в пах.
И парочка попок,
и плоский животик
с проколотым пирсингом
нежным пупком,
и дерзко торчащий
задиристый топик,
и губки с помадным
лихим ободком.

Средь шумной тусовки
с тяжелой головкой
я встретил вас, Инга –
и нету тоски.
И сердце забилося,
и сердце разбилося,
сердечко мое
на большие куски.

АЛЕНКЕ

Весенний Крым.
Добрался к ночи пьяный в дым.
И женских глаз очарованье,
и непрерывное желанье,
и отпустившая тоска,
и светлый локон у виска,
и нежность, нежность,
и покой,
и солнце, снявшее запой,
и гавань, гавань кораблю –
ну вот и все.
Пропал – люблю.

* * *

– Мне скушно, бес.
Мне скушно без
тебя, мой свет.
Беру обрез,
иду я в лес,
где тропок нет.
Сажусь на пень,
идет олень –
пальну меж глаз.
Зажгу костер,
съем мухомор –
и песнь сложу про нас.

* * *

Как северное лето,
ты холодна со мной.
Но каждая планета
мечтает стать звездой.
И гредишь: день настанет
и где-то на Бали,
в Париже иль в Майами
взорвешься от любви.
Как хищная росянка,
в цветке скрывая ложь,
до ночи спозаранку
ты терпеливо ждешь,
наверное, считая,
что уж с таким-то ню
достойного оттаешь
у них на авеню.

Моя звезда
согрета
несбыточной мечтой...

Как северное лето,
ты холодна со мной.

* * *

То смеяь, а то и плача,
босиком хожу по даче.
Подкует Зырянов Жо –
мне, конечно, хорошо.
Зафинтит Аршавин гол –
пью за питерский футбол.
А накатит вновь тоска –
выпью за хоккейный СКА.

* * *

Над крыльцом фонарик
желт в чернилах ночи.
Вот летит комарик,
он кусаться хочет.
Жрать ему охота –
я ж по милой сохну.
Подалю зевоту
и его прихлопну.

* * *

У графа Толстого
доилась корова.
Корова давала
на стол молока.
Граф пил молоко
и рождалось Слово –
такое, что прямо
для всех – на века.
Так слава корове,
что сено жевала,
что граф заготовил
своею рукой.
Пииты, закройте
в смущеньи хлебала
и водку с портвейном
и прочим – долой!

*(В качестве первоисточников использованы
мотивы Шефнера, Хармса, битлов, «Секрета»,
«Баллады о королевском бутерброде», «33 коров»
и воспоминаний о Л.Н. Толстом.)*

* * *

Я себя под Пушкиным чищу.
Кремом тру ботфорт голенища.
По костюму пройдуся щеткою,
если есть пятно – то водкою.
Зубы чищу и щеки брею,
мою уши и мою шею.
Раздражение – с легком стоном
от бритья – о-де-колоном.
Одеваюсь не так, чтоб абы,
и по бабам иду, по бабам.

* * *

Еще не краснеют рябины,
но падает с веток жасмин,
и вечно унылая мина
на кронах дрожащих осин.
Любовь в полдне жаркого лета
на клейких сиденьях такси.
Так близко: от слов до минета,
лишь шортики вниз опусти.
И сыпятся семьи и связи,
какой летом, к дьяволу, быт.
Не должен никто, не обязан,
не просит, не верит, не ссыт.

Но будет сентябрь-понедельник
и в девичьих слезках глаза.
Уйдет муравей в муравейник,
и сгинет навек стрекоза.

* * *

*По восточному гороскопу
Россия – Лошадь*

Августа конец уже, и грозы
бухают не в такт календарю.
Но печальней этих гроз курьезы
в северном болотистом краю
поджидают
в это время злое,
спотыкучий осени порог.
Лодка, путч, дефолт,
иль что иное –
грохнет так, что грозы – пустячок.
Август – это лента
в гриве конской,
огненная метка,
кровь и пот.
Все смешалось в доме у Облонских –
к октябрю уймется и пройдет.
Дождь пожар загушит,
снег покроет,
ветер отряхнет
листву с берез,
водка вылечит,
главком построит.
Зрелища – толпе,
коню – овес.

* * *

Если страшно до жути, до колик,
уязвимый ты пусть, как анклав, –
сделай шаг, шаг вперед,
к смерти,
к боли,
как ни труден он,
как ни кровав.
Шаг назад – и тебе будет стыдно.
Стыдно – позже.
Умерится прыть,
будешь с долей своей незавидной,
со стыдом этим
до смерти жить.

* * *

Вот и кончилось лето,
презентуется осень.
Не набравшие света
бьются яблоки оземь.
Лето мокрое, злое
отлетело – не сыщешь.
Окна пыльные моем,
утепляем жилища.
Убираем купальник,
прикрывающий копчик,
вынимаем из спальни
иной гардеробчик.
И в пустые шкафы
обезлюдешей дачи
бросим мяч, шампуры,
принадлежности мачо...
Через год, через снег
будем снова согреты.
Сладко спи человек
до весны и до лета.

* * *

Было, было. Помню, помню.
Вечер. Персик на столе
и девчонку эту, соню...
Аромат полей цветущих,
мурашей, в пруду плывущих
на бумажном корабле,
цокот дачного пинг-понга,
ты – смеешься, я – пою.
Вдоль Меконга, через Конго,
ледяным проливом Лонга
светит лунная дорожка,
манит, манит из окошка
от Каперны до Гель-Гью.

БЛИСТАЮЩИЙ МИР

Не спится.
Запахи в саду,
ежевечерний птичий бал
за окнами.
Коптит звезду
живыми углями мангал.
Пруд ряской пестрою покрыт.
Луны изогнутая часть
(животик у нее болит)
из перелеска поднялась.
Перо, бумага...
До утра
не спит седой гардемарин.
«...играй; стихи – твоя игра» –
Ты помнишь? – Александр Грин.

* * *

Дух первичен, а не материя.
Ведь любовь – большое доверие.
Ну а если нету доверия,
то тогда первична материя.

* * *

Характерный щелчок зажигалки,
сизоватый дымок сигареты.
Как обычно, ни шатко ни валко
из весны мы приехали в лето.
И девчонки открыли пупочки.
Ах, какие в России девчонки!
За минуту доводят до точки
и легко достают до печенки.
Это счастье – в Советском Союзе
мужичком небезгрешным родиться,
чтоб в России, как шариком в лузу,
к самым лучшим из них закатиться,
покрутившись на поле зеленом,
длинным кием направленным метко,
подчинившись житейским законам,
навсегда успокоиться в сетке.

Овертайм мы уже отыграли.
Зажигали, но всё не спалить.
А нули на табло, как в начале,
лишь осталось буллиты пробить...

ПРИЛОЖЕНИЕ
**«А напоследок
вам скажу...»,
или
Огрызки «Хмелевки»**

Каюта на крейсере...

Карловы Вары. Швейк – это наше всё!

В каждом из нас живет (течет) кровь предков.

*В судовую роль пока что вписан,
и скрипя рангоутом, как клипер,
бороздя, штормую, склянки бью,
тру медяшку рынды, а не клитор,
не любовь, а ром ядреный пью.
Мы идем. Куда идем – не знаю.
Океану нет конца и краю.
Неисправны эхолот и лаг.
Саркофаг плавучий – флот российский.
Мертвецом на рее, как сосиска, –
Перечеркнутый наотмашь флаг.*

* * *

Андреевский флаг.
Мы задолго до Фрейда
смогли подсознанием понять:
российскому фаллосу – надобно реять!
Спешили.
Но первую букву на рею
с простынкой успели поднять!

* * *

Из ряда незатейливых забав,
что в фаворе у дам и кавалеров,
среди араукарий и агав,
под звон виолончелей и фужеров
люблю одну:
в кармической глуши,
коня в гараж загнав
и сбросив кивер,
промиллей не считая,
от души
хорошим коньяком
заполнить ливер.

* * *

Это было недавно –
это было давно:
по реке Иордани
проплывало говно.
И на западный берег
прибивалось – и вот! –
от восточных соседей
их кошерный отход.

Ночной кошмар офицера

С неба звездочка упала
на погоны – и пропала...

Дай мне, Бог, сойти с ума.

* * *

Можно жизни лишить
ядом, пулей иль ножиком.
Но не спутаешь нить
жизни, ранее прожитой.

* * *

Иль наяву или во сне
мне виделось иль мне казалось –
ты не в сезон, ты по весне
с печальным шумом обнажалась.

*Широко распахнутые бедра,
широко закрытые глаза.*

* * *

Иду, иду, иду ко дну...
От надоедливости быта
и от того, что не забыто –
переселяюсь на Луну.

* * *

Возвратился вдруг, а он – прыг в окно.
Видно, он джедай, ну а я – говно.

*Нежность – это больше, чем
любовь.*

* * *

Удивительный вопрос:
почему я не Боос?

* * *

Два тела гибких – не до конспектов.
Шелк невесомый ночных рубашек.
В его объятьях всё в двух комплектах:
студент отрахал сестер-двойняшек.

Что в вымени тебе моем?

* * *

Если бы не повышенное давление,
родилось бы возвышенное стихотворение.

* * *

Страшный сон: сдают друзья,
больше нету братства.
Просыпаюсь: баба, я...
Нечего бояться.

*...мало, мало! Вся ночь порхало
одеяло.*

* * *

Я как Том – и навеки
ей любви дал обет.
(Что мне делать без Бекки
с кладом звонких монет?)

* * *

Джеймс Бонд лицензии бы рад,
служить короны ради,
но зарядила «М» откат
ему с нулями...сзади.

* * *

Осенний день. Туман над перелеском.
Так надоело без потехи пить.
То ль к жопе Анны приколоть подвески,
то ль парочку гвардейцев замочить.

* * *

Вот и эта – не леди.
Да и ты, брат, не Че.
Но мила мне миледи
с клеймом на плече.

*Петербургженка в горах – как
моряк на лошади.*

* * *

Девять месяцев пух живот
на радость папе и маме.
Входишь в мир головой вперед,
уходишь – вперед ногами.

* * *

Разлечусь как «Челленджер»
или как ЧАЭС,
коль брюшной Ким Бэссинджер
мне почешет пресс.

* * *

Даже женщина-доска
хороша, когда тоска.

*Предсмертно
вскармлинул на любовнице.*

* * *

Суть бабы – подлость и коварство.
Мужик – луч света в темном царстве.

*Всему хорошему во мне я обязан
не вам.*

* * *

Пусть жалок раб
 в селении глухом,
далеком от тебя,
 как своды неба эти.
Но если женщина грустит о нем,
я вижу в этом знак,
 что стоит жить на свете.

* * *

Адмирала Ушакова церковь враз
сделала святым – дела такие.
Он один из этих педерас:
остальные адмиралы – не святые.

Из путешествий Саши

* * *

Прибыл Саша на Камчатку.
Жрёт он там savier & chatk'у.

* * *

Вышла мадьярка на берег Дуная,
хлопнула с Сашею литр «Токая».

* * *

На Гоа заехал Саша.
Харе Кришна, харе Саша!

Проект надписей на сигаретных пачках

* * *

Не хочу идти к врачу,
и дымлю я, где хочу.

* * *

Заботлив очень, но не прав
предупредительный Минздрав.

* * *

От минета до минета
в кайф – в постели сигарета.

* * *

От заката до заказа
я курю – и рад, ребята.

* * *

Тем, кому хреново вдруг,
сигарета – лучший друг.

Для нежных рук и стройных ног
девичьих – так подходит «Вог».

В ларьке за медь
Купил я смерть.
Пусть будет мне потом бо-бо.
Но я – такой.
А вам слабо?

Маратель, старатель, искусник,
я сделал из слов капитал...
Прости мя, Создатель, Иисусе,
за все, что я сдуру создал.

Рука Москвы держать устала.

ЧИТАТЕЛИ УЧТИВО
ЧИТАЮТ
ЧЪЕ-ТО ЧТИВО.

Из альбома

ЖИЗНЬ ПОЭТА

В Тикси...

...и на Диксоне.

Море Лаптевых. Ледовая проводка.

Устье реки Колымы (той самой).

Гидрографы.

Балтийск. С отцом, капитаном I ранга, командиром АПЛ.

Саргассово море. Бермудский
треугольник.

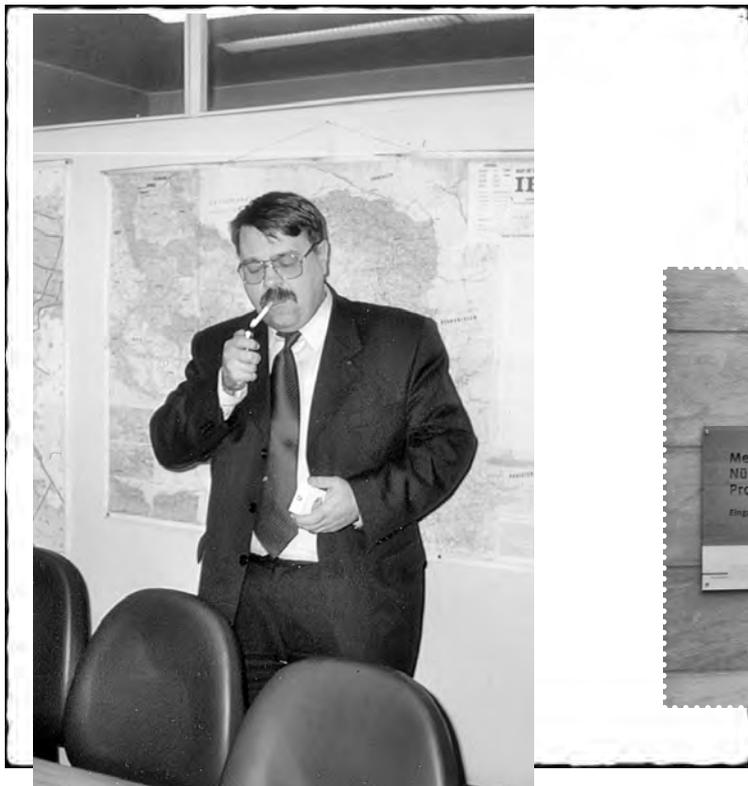
«Растаял в далеком тумане Рыбачий...»

На море лучше смотреть с берега.

И в Стокгольме неплохо.

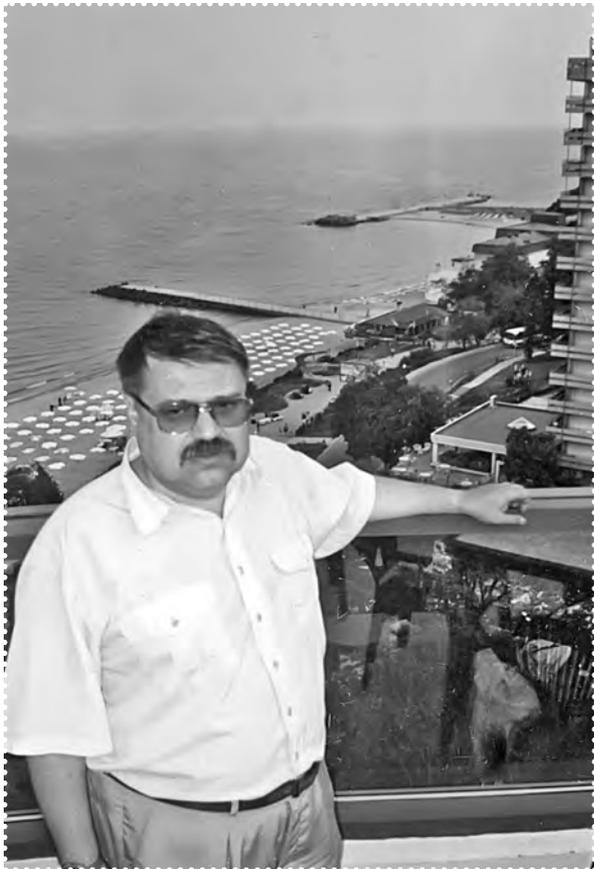

Тегеран–2003. Посольство. То самое.

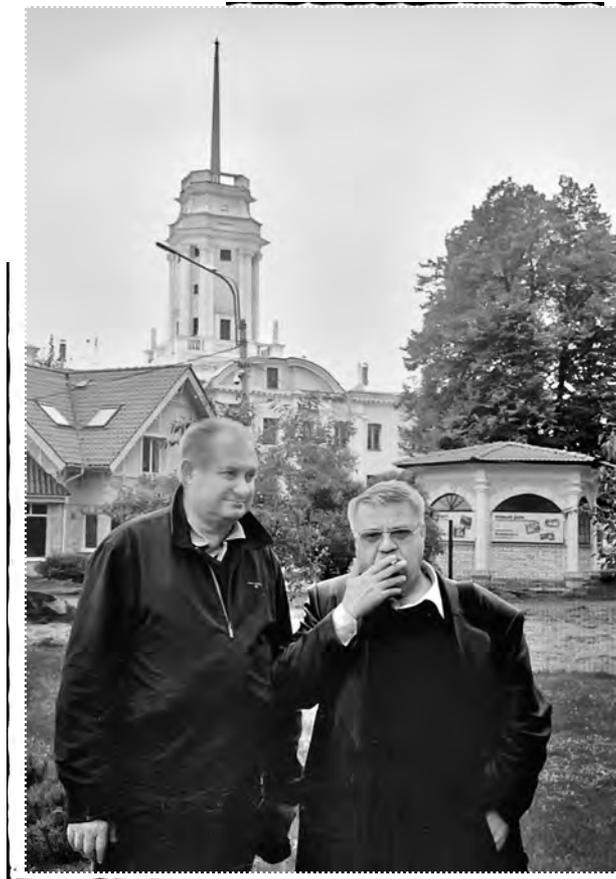

Нюрнберг.

Вообще–то надо было их без суда и следствия...

На Болгарию свысока.

Стареем вместе с Ригой. Автор рядом с Главным гидрографом Латвии Ю.Б. Рыжовым.

Выдающиеся строители российского военно–морского флота
(справа налево):
Никифоренко А.В., Кадилов А.В., Егоров В.Г., Захаров С.А.

Все у нас впереди...

Содержание

БЫЛО ПЛОХО

«... Когда дела и прочее нездоровски...»	9
«Мирскую гладь, вершины жизни...»	10
«Под маской безмятежно-снежной...»	11
«Жофрей Пейрак угрюм и седовлас...»	12
«... А утром, проснувшись...»	14
«Что-то очень грустно я теперь пою...»	15
ГОД ТИГРА	16
«Исчезла. Да и черт с тобою...»	17
«Пустая дача, чай, коньяк...»	18
«Берлога съемная...»	19
«Кем мы были и кем мы стали...»	20
ПАМЯТНИК	21
ПАМЯТИ АНДРЕЯ ВОЗНЕСЕНСКОГО	22
«Ходить по-прежнему. Трендеть...»	23
«Город. Люди. Автотранспорт...»	24
«Смута мучает страну...»	25
«Усталость, источивши плоть...»	26
«Сажу в больнице...»	27
«Ночь темна и длинна...»	28
КРИЗИС СРЕДНЕГО ВОЗРАСТА	30
«Встает заря во мгле холодной...»	31
«Развод, раздел и расставанье...»	32
«Копна волос и пара стройных ног...»	33
«И тот же дом, и те же стены...»	34
«На стене прищипленное фото...»	35
«Любил тебя за ЭТО...»	36
СОНЕТ	37

«Писали очень многие...»	38
БЕЛЫЙ БЫЧОК	39
«Скрываясь от чужого глаза...»	40
«На упругих стройных ножках...»	41
АНТИБИТАЗ	42
«Я весною глуп и сед...»	44
«Март. Весна. Запели птицы...»	45
«Стаял снег...»	46

ОХОТА К ПЕРЕМЕНЕ МЕСТ

«... А где-то жирафы...»	51
Муром и Мурманск	52
Москва	53
Чехия	54
Болгария	54
Латвия	55
Германия	55
Финляндия	56
Будапешт	57
Калининград (Кенигсберг)	58
Архангельск, Челябинск и др.	59
Украина, Киев	60
Севастополь	60
Юрмала	61
«Играют волны, ветер свищет...»	62

СТАЛО ХОРОШО

«Я не знал, что любовь...»	67
ПЕЧАЛЬНАЯ ПЕСНЯ	68
«И юность прошла...»	70

«Олигархом вдруг стану когда-то...»	71
«Средь шумной тусовки...»	72
АЛЕНКЕ	73
«– Мне скушно, бес...»	74
«Как северное лето...»	75
«То смеясь, а то и плача...»	76
«Над крыльцом фонарик...»	77
«Из земли ташу морковь...»	78
«Рука твоя...»	79
«У графа Толстого...»	80
«Я себя под Пушкиным чишу...»	81
«Еще не краснеют рябины...»	82
«Августа конец уже, и грозы...»	83
«Если страшно до жути, до колик...»	84
«Вот и кончилось лето...»	85
«Было, было. Помню, помню...»	86
БЛИСТАЮЩИЙ МИР	87
«Дух первичен, а не материя...»	88
«Характерный щелчок зажигалки...»	89
«Овертайм мы уже отыграли...»	90

«А НАПОСЛЕДОК ВАМ СКАЖУ...», ИЛИ ОГРЫЗКИ «ХМЕЛЕВКИ»

«В судовую роль пока что вписан...»	95
«Андреевский флаг...»	96
«Из ряда незатейливых забав...»	97
«Это было недавно...»	98
Ночной кошмар офицера	99
«Можно жизни лишить...»	100
«Иль наяву или во сне...»	101

«Иду, иду, иду ко дну...»	102
«Возвратился вдруг, а он – прыг в окно...»	103
«Удивительный вопрос...»	104
«Два тела гибких – не до конспектов...»	105
«Если бы не повышенное давление...»	106
«Страшный сон: сдают друзья...»	107
«Я как Том – и навеки...»	108
«Джеймс Бонд лицензии бы рад...»	109
«Осенний день. Туман над перелеском...»	110
«Вот и эта – не леди...»	111
«Девять месяцев пух живот...»	112
«Разлечусь как “Челленджер”...»	113
«Даже женщина-доска...»	114
«Суть бабы – подлость и коварство...»	115
«Пусть жалок раб...»	116
«Адмирала Ушакова церковь враз...»	117
Из путешествий Саши	118
Проект надписей на сигаретных пачках	119
«Маратель, старатель, искусник...»	121
«ЧИТАТЕЛИ УЧТИВО...»	122

Захаров Сергей Анатольевич

С Н Е Г

Стихотворения

Редактор *Г. Иоффе*

Набор и корректура *И. Попова*

Оформление и верстка *А. Портнов*

Подписано в печать 14. 06. 2013. Формат 60×84 1/32.

Гарнитура Arno Pro .

Бумага офсетная. Печать цифровая. Тираж 100 экз.

Заказ № 329.

Издательство «Петербург – XXI век»
198095, СПб., пл. Стачек, 4, ДК им. А.М. Горького.
Тел.: (812) 300–83–96

E-mail: ioffe@yandex.ru
www.peterburgzivek.ru